

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СКАЗКЕ ПУШКИНА «ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ»

М. В. Строганов

Сюжетное строение сказки сложилось у Пушкина до начала работы над текстом. Об этом свидетельствует тот факт, что работа над текстом начата не с первых строк, а с пятого стиха, в котором вместе с тем формируется и завязка сказки: царь родил сорок дочерей по Божьему соизволению. Кроме указанных в литературе источников приведем еще свои параллели, может быть, несколько неожиданные. Сам мотив приживания дочерей от разных матерей заимствован, очевидно, из баллады В. А. Жуковского «*Двенадцать спящих дев*», в которой Громобой в своей развратной жизни рождает таким образом 12 дочерей. Но Громобой не просто богат и празден, он еще и «умен», чем и отличается от сказочно «глупого» царя Никиты. Таким образом – от противного – объясняется педалирование «глупости» царя у Пушкина и счастливый конец сказки. Но это же определяет и связь поэмы Пушкина с балладными опытами Жуковского, что вполне укладывается в характер отношения Пушкина к Жуковскому в кишиневский период творчества (ср. пародирование баллады «*Алина и Альсим*» в «*Черной шали*»). В качестве источника следует назвать и библейскую «Книгу судей», где у судьи Израиля Авдона «было сорок сыновей» (Суд 12: 14). Это единственное, что сообщает библейская книга об Авдоне (впрочем, и о других судьях этой главы дается тоже весьма краткая информация). Учитывая это, сказку Пушкина можно назвать каким-то промежуточным и связующим звеном между «*Книгой судей*» и стихотворением Д. Хармса «*Врун*» (1930), в котором герой сообщает: «...у папы моего Было сорок сыновей» (Хармс 1991: 243).

Однако гораздо более важной представляется связь поэмы с созданной годом ранее «Гавриилиадой», написанной на церковный праздник Благовещения, празднуемый 25 марта. В самом же указании на сорок дочерей царя Никиты нельзя не видеть параллели с днем поминовения Сорока мучеников, который празднуется православной церковью 9 марта. Написав в 1821 г. «*Гавриилиаду*», Пушкин продолжает работу в том же направлении и в 1822 г., создавая «*Царя Никиту*». Надо, впрочем, отметить, что при всем сходстве обоих произведений в обращении к эротической теме они существенно различаются: с одной стороны, «*Гавриилиада*», в отличие от «*Царя Никиты*», фактически лишена эвфемизмов в трактовке темы; с другой стороны, последняя поэма не столь прямолинейно связана с церковной догматикой, поэтому «кошунственность» ее не столь очевидна. Однако совершенно ясно, что оба произведения составляют

некий цикл, связанный с весенними церковными праздниками, сохранившими в своей основе народно-календарную обрядность. В этом отношении совершенно однозначно должны быть истолкованы слова царя Никиты, в которых он угрожает колдунье:

*Так за ней сейчас послать, –
Возражает Царь Никита,
Брови сдвинувши сердито, –
Да! колдунью отыскать!
Если ж нас она обманет,
Чего надо не достанет,
На бобах нас проведет, –
Или с умыслом солжет, –
Будь я шельма и бездельник,
Если в чистый понедельник
Сжечь колдунью не велю
И тем небо умолю.*

Царь обещает сжечь колдунью в «чистый понедельник» – в первый день Великого поста, чтобы «умолить» небо; и это, возможно, связано с аберрацией масленичного обряда (с сжиганием чучела женщины).

В другом направлении поэма Пушкина оказала несомненное воздействие на сказку В. И. Водовозова «*Никита и его дочери*», заглавный герой которой – крестьянин – выдал своих трех дочерей за ветер, месяц и солнце (Детский сборник 1892: 1–36). Сюжет, как видим, не имеет ничего общего с пушкинским. Но сказка написана пушкинским стихом – четырехстопным хореем с парной рифмовкой, и самим названием она ориентирована на «*Царя Никиту и сорок его дочерей*». В этом плане интересно было бы выяснить, какую цель преследовал В. И. Водовозов в своей сказке для детей, намекая на текст, который и широко-му-то читателю был недоступен.

Начало поэмы было опубликовано в 1861 г. и сразу же привлекло внимание читателей, хотя документальных подтверждений тому немного. Однако в повести Н. С. Лескова «*Овцебык*» (1862) говорится об одном из героев: «В пяти верстах от нашего хутора был Барков-хутор: так он назывался по имени своего прежнего владельца, о котором говорили, что в Москве он жил когда-то

*Праздно, весело, богато
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей,*

а на старости вступил в законный брак и продавал имение за именем» (Лесков 1998: II, 71). Хотя комментаторы считают название Баркова-хутора происходящим от топографических реалий, в контексте данного фрагмента оно более

напоминает об известном поэте И. С. Баркове и сложившейся вокруг его имени барковиане, а соединение с этим именем строк из ЦН указывает на порнографический характер восприятия данного произведения читателями. Однако еще до этого времени в бесцензурной заграничной печати ЦН неоднократно упоминался.

Связь поэмы с мартовскими церковными праздниками, уже отмеченная в литературе (Левинтон, Охотин 1991: 31), требует более глубокого осмысления. Она очевидным образом свидетельствует, что тематика, разработанная Пушкиным в 1821 г. в «Гавриилиаде», продолжала интересовать поэта и позднее, хотя приобретала уже не столько кощунственные, сколько все более откровенно эротические формы. В этой связи следует указать, что в литературе начала XIX в. такие откровенные формы эротики встречались довольно часто, и вызваны они, вероятно, «глухотой» к двусмысленностям и редукцией подобной образности в литературе сентиментализма. Как показала Т. В. Мальцева (Мальцева 2000), сентименталисты часто прибегали в своих произведениях к образу птички, сидящей на веточке, который, как известно, восходит в фольклорной эротической образности и использован в откровенно эротической и шутливой литературе (И. С. Барков, Г. Р. Державин). Поэтому отказ от учета этих коннотаций должен приводить к комическому эффекту. Именно это и продемонстрировал И. А. Крылов, изобразивший в комедии «*Пирог*» сентиментальную героиню Ужиму, которая с начала своего появления на сцене мечтает: «После завтрака мы сядем где-нибудь на тени развесистыя ивы, и я спою в утешение вам любимую мою песенку: «Я птичкой быть желаю...»». А потом, не дождавшись и завтрака, говорит молодым влюбленным: «И я терзаюсь с вами! Послушайте, теперь очень кстати будет эта песенка: мы все в прекрасном расположении для сентиментальной музыки. (*Начинает петь.*)

*Я птичкой быть желаю,
Везде чтобы лет...»*
(Крылов 1958: I, 309, 310).

Ясное дело, что для молодых влюбленных, которые не могут соединиться, такая песенка может быть чем угодно, только не утешением. Комедия «*Пирог*», написанная в 1799–1801 гг., представлялась на петербургской сцене в 1802 и 1805 гг., а на московской – в 1804 г. – и, разумеется, Пушкин-младенец видеть ее еще не мог. Опубликована она была только в 1869 г., однако, по воспоминаниям М. И. Лобанова, ставилась на домашнем театре Олениных в конце 1810-х гг. (см. примечания Н. Л. Степанова: Крылов 1958: I, 463), когда Пушкин посещал этот дом. Можно, конечно, предполагать, что Пушкин видел домашний спектакль в доме Олениных. Однако он мог и не знать пьесы Крылова, но испытывать то же, что и Крылов, отношение к выхолощенной сентименталистской литературе.

Начиная работу над поэмой, Пушкин уже знает, что он хочет сказать, и вследствие этого стремится к скорейшему проговариванию своей мысли. Поэтому первоначально текст пишется следующим образом:

*Так угодно было богу
Он под старость понемногу
Прижил 40 дочерей,
40 ангелов небесных...*

Однако такое начало нарушает уже осознанную Пушкиным композицию сказки, основанную на смежных рифмах. Поэтому для третьего стиха подбирается рифмующаяся строчка «Он от разных матерей», а вследствие этого вносятся изменения во второй стих: вместо «Он под старость» пишется «Что под старость». В пару к четвертому стиху «40 ангелов небесных» добавляется «40 девишек прелес», но рифменное созвучие уже не дописывается, оно и так ясно.

На втором этапе работы вместо «Так угодно было богу» появляется «Кушал пил, молился богу», вместо второго стиха – «Царь трудился <?> понемногу». Если «кушал пил» – это отдых, то «труды» царя – это «приживание дочерей». Комизм усиливается, но в таком случае уходит мысль о «старости» царя. Вследствие этого третий стих получает новую редакцию «И на старости своей», но этот мотив отменяется вскоре вовсе, ибо сорок дочерей прижить и в молодом возрасте вряд ли удастся. Дальнейшая правка начинается с 8-го стиха с перечисления «достоинств» дочерей: вписывается стих про «глазки»; «ножки» первоначально заменяются «ротиком альбом», но уйти из текста вообще не могут: слишком важна эта тема для самого автора. «Ножки» дважды обрабатываются, и в итоге переносятся в следующий стих. Но после 10-го стиха Пушкин вновь сбивается с парных рифм: в соседних стихах появляются «до ног» и «пленяли». Приходится вернуться назад и переделать стихи.

На третьем этапе работы текст первых одиннадцати стихов не претерпевает изменений за исключением того, что в 10-м стихе вместо «Ножки – чудо – нежный голос» появляется «Ножки – чудо! Нежный голос –». Эти изменения вызваны тем, что для рифмы вписывается новый стих «Всех с ума свести бы мог», поэтому изменяется синтаксический строй, что и отражается в пунктуации. 120-й стих, как мы видим, был сначала оставлен недоделанным. Вместо «Всё в них – <можно думать, далее должно было бы следовать нечто типа «хорошо»> [они] пленяли» появляется «Чувство, душу всё пленяло». Быстро пишутся следующие три стиха, тут же Пушкин замечает, что опять пропустил парную рифму, и вставляет стих «Да чего же одного». Далее появляется четверостишие о цензуре. Однако это четверостишие складывается у Пушкина не сразу: стих 21-й выглядит поначалу так: «Наша цензура». Пушкин ищет эпитет: «стр<огая>», – зачеркивает его, еще какое-то слово – снова зачеркивает, наконец вписывает целиком – «строгая».

Но тут же начинается и четвертый этап работы над текстом – переделка этого четверостишия. Эпитет «чопорная» понравился. Он остается при слове «цензура», но вводятся характеристики ее: «Богомольная, важная». С помощью номеров стихов 21-й и 22-й меняются местами, работа над этим фрагментом заканчивается.

Пушкин приступает к работе над самым начальным четверостишием текста. Отчеркнув написанное ранее, он набрасывает четыре неполных стиха о царе

Василии, паре-дураке. Последние два стиха не устраивают Пушкина, он подчеркивает их. Дело не в «глупости» царя, а в принципах правления; через некоторое время Пушкин переделывает эти стихи. Текст сказки, первые 26 стихов, приобретают вид более или менее окончательный.

В связи с этим фрагментом следует заметить, что Пушкин не сразу подобрал имя заглавному герою своей поэмы. Василий – вполне фольклорное имя, не требующее дополнительных мотивировок для своего появления. Никита же – имя совсем другого, бытового свойства, и его нужно специально аргументировать. Вполне возможно предположить его связь со стихотворением также достаточно нескромного содержания, написанном в Кишиневе. Речь идет о наброске Пушкина 1821 г. «*Дай, Никита, мне одеться...*» Здесь Никита – это имя пушкинского дядьки Никиты Козлова 1778 года рождения, поэтому в 1822 г. ему 44 года: по меркам пушкинского времени он вполне подходит для того, чтобы сказать про него: «под старость». Но некоторую связь можно предположить между царем Никитой и Никитой Всеволожским, приятелем Пушкина. Впрочем, первое предположение выглядит убедительнее.

За листом 8 в рабочей тетради Пушкина следуют еще три вырванных листа, два из которых и половина лицевой стороны третьего заняты были, очевидно, продолжением поэмы. М. А. и Т. Г. Цявловские считали, что сохранившиеся на листе 8в фрагменты текста соответствуют стихам 171–172 поэмы в их реконструкции:

Чт<о же ларчик заключает> <?>

Чт<о царю в нем ведьма шлет> <?>

Вот

26 <марта 1822 г.> <?>

(Пушкин 1949 : II, 748*)

Мы склоняемся к мнению, что эти строки, на самом деле принадлежащие тексту поэмы, относятся к самому финалу текста и могут быть расшифрованы следующим образом:

Гл<упо так зачем шучу.>

Чт<о за дело им? – хочу!>

Вот <и сказочки конец.>

М. А. Цявловский полагал, что на вырванных листах могло уместиться «около ста семидесяти стихов» (II, 1114). Но мы уже видели, что Пушкин писал стихи не в прямом порядке, так что трудно судить, сколько стихов и в каком порядке могли быть здесь записаны.

Но если по поводу чтения стихов могут быть различные мнения, то относительно даты сомнений быть не может: 26 марта – это день, который празднуется русской Церковью как Собор архангела Гавриила, и с этим днем (как и с Благовещением) связан обряд выпускания на волю из клеток птиц. Написав год

* Далее цитаты по этому изданию даны с указанием тома и страницы в тексте.

назад поэму «Гавриилиада», связанную с 25 апреля, Пушкин в 1822 г. вполне логично откликается на праздник самого благовестителя архангела Гавриила.

Однако рисунок под этими обрывками слов прочитан Т. Г. Цявловской очевидно неточно (Цявловская 1980: 74–75). Если мужскую фигуру в шароварах и можно истолковать как изображение гонца, то нарисованная над ним сидящая фигура «с крыльями», конечно, не является изображением птицы. Фигура эта сама по себе странна: две головы с кудрями под шапкой (очевидно, мужчина), расположение складок одежды и рук указывают на то, что перед нами совмещение двух ракурсов: анфасного и профильного. Это, вероятно, все тот же гонец, который уже «сел» и «показывает» «птичкам» то, что так прельщает их. Кажущиеся же «крылья» – это, сколько можно судить, остатки какого-то другого графического наброска, может быть, и связанные с сюжетом сказки, но сделанные в иное время.

Анализ черного автографа поэмы выявляет главный принцип работы Пушкина над стихотворной формой: стремление соблюсти парную рифмовку. Вместе с тем в сохранившихся списках полного текста поэмы этот принцип выдержан только до стиха 82. Далее до конца поэмы нарушения парной рифмовки очень часты. Попытка восстановления порядка рифм и, следовательно, «пушкинского» протографического текста поэмы с помощью списков весьма заманчива. Например, стихи 83–87 печатаются следующим образом:

*...Осторожнее от слуг.
Приадумались бояры,
Как лечить такой недуг.
Вот один советник старый
Поклонился всем – и вдруг (II, 250).*

Однако в списке Б. М. Зубакина* это место выглядит «правильнее»:

*...Осторожнее от слуг,
Как лечить такой недуг.
Приадумались бояры.
Вдруг один советник старый...*
(стих 87 современной нумерации отсутствует)

Как видим, список Зубакина, во-первых, восстанавливает парную рифмовку, простой переменной порядка стихов; во-вторых, убирает лишний – третий – стих, рифмующийся в современных изданиях со *слуг/недуг: вдруг*. Казалось бы, приняв здесь за основание текст Б. М. Зубакина, мы приблизились бы к Пушкину. Но для уверенности в правомочности такой реконструкции очевидным образом

---

* Список, снятый (по преданию) с печатного издания «Царя Никиты», подаренного Б. М. Зубакину в 1927 г. М. Горьким в Сорренто. Описан: Терехина 1984:19–20. Сохранившаяся переписка Б. М. Зубакина (1894 – после 1937) с М. Горьким не дает никаких оснований для подтверждения и уточнения этого устного сообщения, хотя и не противоречит ему (см.: Зубакин 1996).

недостает как минимум двух моментов. Во-первых, мы не знаем, закончил ли Пушкин вторую часть поэмы, и поэтому не можем бесспорно утверждать, что реконструируемый нами текст собственно пушкинский. Во-вторых, мы не уверены в качестве списков, ибо в них то и дело не хватает и самых необходимых стихов.

Относительно проблемы законченности поэмы следует указать, что все наиболее авторитетные источники свидетельствуют о незавершенности ее текста. Во-первых, М. Н. Лонгинов писал в примечании к тексту в своем сборнике: «Покойный Л. С. Пушкин знал наизусть еще множество стихов из этой сказки, так же как и множество неизданных стихотворений своего брата, но никогда не хотел по беспечности уступить советам и просьбам ни моим, ни других своих приятелей записать или продиктовать то, что знал, и довольствовался чтением стихов брата из памяти. Я слышал от него продолжение «Царя Никиты», которое теперь едва ли кто-нибудь помнит наизусть <...> Сказка эта, впрочем, никогда не была кончена»*. Свидетельство, как видим, несколько странно. С одной стороны, Лев Сергеевич читал сказку до конца наизусть, с другой – она «никогда не была кончена». В. Е. Якушкин в своей публикации автографического текста поэмы утверждал также, что «Л. С. Пушкин, со слов которого известно начало сказки, признавал несомненными только двадцать стихов, в его передаче соответствующим подлинным 26» (Русская старина 1884: 328). Наконец, С. А. Соколевский писал в примечаниях к публикации писем поэта к брату: «...сочиненная Пушкиным стихотворная сказка <...> в памяти друзей поэта она уцелела в небольшом отрывке» (Библиографические записки 1858: 107).

Как видим, все три источника прямо указывают на Л. С. Пушкина как на информанта о содержании продолжения поэмы, которая, однако, «никогда не была закончена» самим А. С. Пушкиным. При этом читавший поэму до конца Лев Сергеевич признавал пушкинскими только первые 26 стихов (хотя, как мы уже говорили и как увидим далее, даже 82 стиха могут быть признаны пушкинскими). Наиболее очевидное решение проблемы состоит в том, чтобы признать, что на вырванных листах рабочей тетради находился крайне черновой и не сведенный воедино текст, поэтому Л. С. Пушкин позволил себе использовать черновые наброски А. С. Пушкина в досочинении окончания поэмы на свой вкус и лад. Но как ни решай эту проблему, нельзя не сознавать, что всякое решение абсолютно гипотетично, поэтому продолжать поиск ответа вряд ли целесообразно.

Вместе с тем выдвинутые нами соображения могут объяснить еще одно противоречие, возникающее в связи с именем Л. С. Пушкина. М. Н. Лонгинов в своем примечании к поэме передает также содержание окончания, слышанное (им?) со слов Л. С. Пушкина: «Царь посылает гонца Фаддея к колдунье, чтобы запастись 40 недостающими у дочерей предметами. Колдунья подкуплена, собирает их на выбор отличные, запирает в ларец и отдает Фаддею, который не знает за чем послан, ибо цель послания была написана в грамоте к колдунье. Она строго ему приказывает не открывать ларца, ключ от которого ему вручает. До-

---

* РНБ ОР. Ф. 233. Кар. 162. Ед. кр. 1. Л. 71 об. – 72 об. Впервые: Левинтон, Охотин 1991: 28.

рогой в лесу любопытство его возбуждается. Он начинает трясти ящик, подставляет ухо, ничего не слышно! Подносит скважину к носу. «Нюхает – знакомый дух» (стих Пушкина). Он все-таки неуверен, что скрыто в ларце, осторожно отпирает его... о ужас! Все затворницы разлезают и садятся на сучки деревьев. Фаддей в отчаянии, он начинает их скликать и подсвистывать – упрямцы всё порхают по веткам. Наконец он решается на последнее средство: садится у самого открытого ящика и обнаруживает свой предмет, до которого затворницы такие охотницы. Хитрость удалась; они прельстились, разом к нему слетаются. Фаддей их схватывает и запирает в ящик, а потом продолжает путь». Как видим, в этом пересказе появляется имя гонца: Фаддей – и, напротив того, исчезает «баба старая с клюкой», которая и дает совет гонцу в известном теперь тексте поэмы. Эти отклонения от известного текста можно признать и несущественными, но они лишний раз свидетельствуют о нестабильности и вариативности текста. Строчка «Нюхает – знакомый дух» явно пушкинская, отмечает Лонгинов, и таких пушкинских обломков, очевидно, было очень много, они и до сих пор сохранились в текстах списков. Но общая конструкция поэмы очевидным образом была определена Л. С. Пушкиным и, может быть – даже! – дальнейшими передатчиками текста.

Таким образом, в творческой истории поэмы можно обнаружить два этапа: первый – собственно пушкинский, 1822 г.; второй – не собственно пушкинский, связанный с Львом Сергеевичем и сформировавшийся после смерти Пушкина, что и объясняет полное отсутствие прижизненных списков поэмы, принадлежность их значительно более позднему времени.

Известные источники текста поэмы так же очень остро ставят проблему ее авторства. Все источники делятся на три группы. В первую входят автограф начала поэмы (первые 26 стихов) и восходящая к нему публикация С. А. Соболевского. Авторитетность этой группы бесспорна. Во вторую группу входят стихи начала поэмы – первых 76-ти стихов нынешней сводной нумерации (общим числом девять). Кроме того, примечание в списке М. Н. Лонгинова о продолжении поэмы свидетельствует, что только до этого, 76 стиха имелись собственно списки текста, восходящие в той или иной мере к автору (к рукописи либо устному бытованию), остальные – к устной и не всегда авторитетной (и уж тем более не авторизованной) традиции. Списки третьей группы (общим числом также девять) представляют полный текст поэмы, но некоторые из них являются печатными, а другие – сделанными уже в XX в., что понижает их авторитетность.

Ясно, что поэма «*Царь Никита...*» должна быть воспринята как авторизованная по написанию, но дубильная по тексту. Однако степень дубильности ее текста в сравнении, например, с «*Гавриилиадой*» очень высока (сравнивая две эти поэмы, можно говорить о различной степени дубильности / авторизованности списков и вообще текстов, не сохранившихся в рукописях). Признавая авторство Пушкина, и составители списков, и первые публикаторы, и первые исследователи поэмы указывали тем не менее на дубильность ее полного текста.

Наиболее авторитетные исследователи «*Царя Никиты*» единодушны в признании всего текста пушкинским, но при этом не все признавали его дубиль-

ным. Так, М. А. Цявловский в пометах на полях издания «*Царь Никита и Первая ночь брака: Эротические поэмы...*» [Женева: М. К. Элшидин, 1896. С. 6] – писал после ст. 76: «До сих пор Пушкин. С этой строки запись со слов брата поэта Льва, читавшего наизусть» (Цит. по: Бессмертных 1994: 293). А Б. В. Томашевский в рукописи 1918–1922 гг. для несостоявшегося отдельного издания поэмы рассматривал ее целиком как пушкинскую*. Точно так же и С. М. Бонди считал, что «эта сказка непристойного содержания была написана Пушкиным целиком <...> остальная часть» [не имеющая автографа – М. С.] сохранилась «в не очень надежных копиях» (Пушкин 1975: III, 480).

Однако, с нашей точки зрения, поэму «*Царь Никита*» можно отнести к текстам парафольклорного характера, которые подобны многочисленным в своей вариативности произведениям обценной литературы (Ср.: Плущер-Сарно 2001: 367–369). Вместе с тем это все же авторское произведение, которое, несомненно, должно входить в издания собраний сочинений именно Пушкина, а не какого-либо другого автора и не в сборники анонимной поэзии. Все это ставит перед публикатором особо деликатные задачи подачи материала, адекватной репрезентации его. Текст должен быть представлен одновременно и как пушкинский, и как продукт коллективного сотворчества.

Автограф начала поэмы

1. *Так угодно было богу
Что** под старость понемногу
[Он] от разных матерей***
Прижил 40 дочерей,
40 девушек прелес<тных>****
40 ангелов небесных
Милых видом и душой
Тут заметит сам косой
Ножки стройны темный волос –*
2. *Кушал, пил, молился богу
Царь трудился <?> понемногу
[И] от разных матерей*****
Прижил 40 дочерей
40 девушек прелес<тных>
40 ангелов небесных
Милых видом и душой
Что за глазки – боже мой
Ротик алый***** темный волос –*

---

* ОР РГБ. Ф. 645. Карт. 5. Ед. хр. 13.

** Он.

*** Вписано позднее.

**** Вписано позднее.

***** И на старости своей.

***** а. Ножки стройны; б. Ножка, зубы.

- Ножка – чудо – нежный голос –
 Словом – с головы до ног –
 Всё в них – [они] пленяли*
3. Кушал, пил, молился богу
 40 девушек прелес <тных>
 40 ангелов небесных
 Милых видом и душой
 Что за глазки – боже мой
 Ротик алый темный волос –
 Ножка – чудо! нежный голос –
 Вас** с ума свести бы мог
 Словом – с головы до ног –
 Чувство, душу всё пленяло
 Одного не доставало;
 Да чего же одного***
 Так безделки**** ничего
 Ничего иль очень мало
 Всё равно – недоставало.
 Как***** бы это объяснить?
 Что [могла бы пропустить]
 [Наша] [строгая]***** цензура
 [Слишком чопорная]***** дура –
4. Как бы это изъяснить?
 Чтобы нам***** не прогневить
 Богомольной важной дуры –
 Или***** чопорной цензуры
5. Царь Василий жил когда-то
 Славно мирно и богато –
 В глупом нет <?> зла
 [И земля его]
6. Царь Никита жил когда-то
 Славно мирно и богато –
 Не творя добра ни зла
 И земля его цвела.
7. Гл
 Чт<о за дело им? – хочу!>
 Вот
 26<марта 1822 г.> <?>

---

* обво <рожали ?>
 ** Всех.
 *** Вписано позднее.
 **** А как.
 ***** а. Нрзб; б.. стр <огая>.
 ***** а. зоркая <?>; б. строгая <?>
 ***** мне.
 ***** Нашей <?>

ЛИТЕРАТУРА

- Бессмертных Л. В.
1994
О некоторых изданиях эротических произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. *Новое литературное обозрение*. № 6.
- Детский сборник
1892
Очерки и рассказы для детей старшего возраста. Санкт-Петербург.
- Зубакин Б. М.
1996
«А я? – я не хочу на память остаться сказкой сам себе...» (Корреспондент М. Горького Б. М. Зубакин) / Публикация Ю. М. Коган. *Минувшее: Исторический альманах*. Т. 20. Москва-Санкт-Петербург.
- Крылов И.А.
1958
Сочинения в 2 т., т. 1. Москва.
- Левинтон Г. А., Охотин Н. Г.
1991
«Что за дело им – хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей». *Литературное обозрение*. № 11.
- Лесков Н. С.
1998
Полное собрание сочинений в 30 т., т. 2. Москва.
- Мальцева Т. Г.
2000
Литературная полемика и процесс жанрообразования в комедиографии XVIII века. Санкт-Петербург.
- Пясыма А. С. Пушкина к брату Льву Сергеевичу
1858
Сообщены С. А. Соболевским с дозволения опекунши Елизаветы Александровны Пушкиной. *Библиографические записки*. № 4.
- Плудер-Сарно А.
2001
Русская порнографическая литература XVIII–XIX вв. (Размышления над книгами серии «Русская потаенная литература»). *Новое литературное обозрение*. № 48.
- Пушкин А. С.
1975
Собрание сочинений в 10 т., т. 3. Москва.
- Пушкин
1949
Полное собрание сочинений в 16 т., т. II. [Ленинград].
- Русская старина*
1884
Май.
- Теребенина Р. Е.
1984
Новые поступления в Пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский дом) за 1975–1981 гг. *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1980 год*. Ленинград. ПЦ. 244. Оп. 4. Ед. Хр. 250. 2 л. машинопися.
- Хармс Д.
1991
Полет в небеса: Стихи. Проза. Драма. Письма. Ленинград.
- Цявловская Т. Г.
1980
Рисунки Пушкина. 2-е изд. Москва.

ДАУГАВПИЛССКИЙ ЦЕНТР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ДОМ КАЛЛИСТРАТОВА)

ДАУГАВПИЛССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛАТГАЛЬСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА
ДАУГАВПИЛС-РЕЗЕКНЕ 2003